

Приближался Новый год, и в их саньхэюане было холодно и мрачно. Каждый вечер все собирались вокруг нескольких костров во дворе, чтобы согреться и подышать свежим воздухом. В домах было холодно и душно, и они проводили там весь день, не желая оставаться внутри и ночью, когда солнца не было.

В последние дни их больше всего беспокоила проблема с прудом за двором. Вода в пруду поступала по трубам из горного источника, и за многие годы, кроме прошлого года, когда трубы сильно засорились и их пришлось заменить, проблем не возникало. Но в последнее время уровень воды в пруду резко упал, и теперь он почти опустел, а вода из трубы текла всё слабее.

Никто не мог точно сказать, почему вода уменьшается. Может быть, источник на горе иссякает, а может быть, трубы протекают. Чтобы выяснить причину, кому-то нужно было подняться на гору, но кто это сделает? Это был серьёзный вопрос, потому что ночью горы были гораздо опаснее, чем поля.

— Может, Гао Чан и Да Хуан сходят? Вы ведь ночью ходите за жабами, так что смелости вам не занимать, а Да Хуан сильный, бояться нечего. — В момент всеобщего молчания заговорила одна из деревенских женщин лет тридцати. Эти женщины хотели поскорее решить, кто пойдёт, чтобы их мужьям не пришлось рисковать.

— Я не пойду, сегодня живот болит.

Гао Чан сидел у костра, греясь. Он принёс из дома старые подушки, одну себе, одну Да Хуану, и они вместе грелись. Шерсть Да Хуана была густой и мягкой, а температура тела у собак выше, чем у людей, так что Гао Чан начал клевать носом. Он слишком много времени посвятил практике днём, и хотя она помогала поддерживать бодрость, всё же не могла заменить сон.

— Тогда завтра сходите, подождём ещё день. — Женщина настаивала, не давая Гао Чану возможности отказаться.

— Я не пойду, иди сама. — Гао Чан поднял глаза и посмотрел на неё.

— Нельзя, чтобы Гао Чан шёл один. Давайте выберем несколько молодых и сильных, чтобы пошли с ним на гору, просто посмотреть, в чём дело, и сразу вернуться. — Вмешался глава деревни.

— Чжэн Чуньхуа, ты тоже должен пойти. Молодой, ноги быстрые, в прошлый раз многие видели, как ты прыгнул со второго этажа, как кошка. Помоги нашему двору сходить на гору. — Как только заговорил глава деревни, остальные тоже начали предлагать кандидатуры, и первым делом называли Чжэн Чуньхуа.

— У меня тоже живот болит, завтра и послезавтра болит!

Чжэн Чуньхуа на этот раз не собирался идти на уступки. Обычно он был готов сходить в поле за овощами, ведь он всё время сидел во дворе и хотел немного подышать воздухом. В поле не было большой опасности, даже если встретишь пару бешеных кошек или собак, группа мужчин справится, максимум получают ранения, которые можно залечить пеплом. Но на горе всё иначе. Ночью везде темно, и кто знает, что прячется в лесу и траве. У Гао Чана ведь дома живут жабы, которые не впадают в спячку даже в холод. А если на горе встретится змея? Больницы теперь закрыты, и укус ядовитой змеи может стать смертельным.

— Ты что, месячные начались? Три дня болит! — К Чжэн Чуньхуа все относились без церемоний, ведь он не раз попадал в неприятности из-за чужих жён, и со временем с ним стали говорить прямо.

— Какая разница, месячные или годовые, живот болит, и на гору я не пойду. Что ты хочешь? — Чжэн Чуньхуа упорно твердил, что у него болит живот, и даже если всем было ясно, что он врёт, никто не мог заставить его изменить решение. После безуспешных уговоров все снова обратились к Гао Чану.

— Гао Чан, древние говорили, что способные должны трудиться больше. Ты ведь часть нашей деревни, так что не будь таким расчётливым, бери на себя больше, и люди будут тебя уважать.
— Глава деревни начал уговаривать Гао Чана.

Гао Чан зевнул, вытер слёзы в уголках глаз и, сидя на грязной подушке, сказал:

— Глава деревни, вы, похоже, неправильно понимаете эту поговорку. Древние говорили, что способные должны трудиться больше, но это не значит, что способные обязаны делать больше, чем другие.

— Чжуан-цзы сказал: «Умелый трудится, а мудрый беспокоится». Это описывает факт, что способные люди часто много работают, но это не значит, что они должны делать больше. Ваше понимание этой фразы ошибочно. Древние также говорили: «Не делай другим того, чего не хочешь себе». Ваше понимание противоречит этой мудрости.

— Кроме того, до того как солнце вышло из строя, разве мы все не должны были содержать свои семьи? Даже холостяк должен был сам себя обеспечивать. Нет причин, чтобы сейчас, когда всё стало опасно, люди могли сидеть во дворе и ничего не делать...

— Кто сидит во дворе? — Грубый голос прервал речь Гао Чана. Это был голос подростка, очевидно, в стадии мутации.

Гао Чан поднял глаза и посмотрел на него. Это был Чжэн Цзунмин, парень лет шестнадцати, высокий и, судя по костям, довольно сильный. Но с тех пор как появилось голубое солнце, он ни разу не выходил из двора. Раньше Гао Чан не хотел спорить с подростками, считая их детьми, и был готов лишний раз сходить в поле, ведь с Да Хуаном опасности не было, только лишние хлопоты. Но этот подросток явно не ценил его усилий.

— Тогда, может, сегодня вечером ты пойдёшь на гору посмотреть, что там происходит? — Гао Чан усмехнулся. Это был настоящий неблагодарный.

— Сам иди, если хочешь, никто тебя не заставляет. Не нужно делать вид, что все тебе чем-то обязаны! — Этот подросток был быстр на слова, но не понимал, что можно говорить, а что нет. Его слова вызвали недовольство у нескольких мужчин, которые часто работали вне двора.

— Ты что несёшь? Не обращайтесь внимания на этого дурака, Гао Чан, не сердись, я его потом отчитаю. — Вмешался отец подростка, извиняясь. Если разобраться, этот мужчина тоже редко выходил из двора, так откуда у его сына такая уверенность?

— Отчитывать? Выкинуть за стену лучше, такой ни на что не годный. — Гао Чан тоже не был лишён характера. Раньше он считал, что не стоит спорить из-за мелочей, ведь всем лучше, когда все живут хорошо. Но некоторые слишком быстро начали воспринимать его доброту как должное.

— Это же ребёнок, и ты такое говоришь? Просто сходить на гору, иди, если хочешь, никто не будет на коленях просить тебя. Не думай, что без тебя весь двор погибнет. — Это сказал Чжэн Гочао, который недавно потерял сына и был недоволен Гао Чаном за то, что тот не открыл дверь его сыну.

— Тогда покажи, как ты выживешь без меня, а я буду рад отдохнуть. — С этими словами Гао Чан встал, взял старую подушку, на которой сидел, и пошёл домой. Да Хуан последовал за ним, неся свою подушку. Они заперли дверь, оставив снаружи двор, полный неблагодарных людей. Лучше потратить время на практику, ведь это хотя бы приносит пользу.

— Чёрт, в следующий раз надо быть осторожнее, а то превратят в рабочую лошадь. — Это был первый урок, который Гао Чан усвоил, встречая конец света.

<http://bllate.org/book/15437/1369037>